

действительно были отмечены пребыванием как будто на нулевой отметке, между заморозками и таянием. Нового рода вратами для нового стиля мышления и созерцания истории стала прорывная идея Пятой империи. На слух эта прохановская формула воспринимается как полужутливая аллюзия на французскую Пятую республику Шарля де Голля. Однако дело лежит гораздо глубже, и сами пять русских исторических эонов гораздо масштабнее, чем французские республики. Тем более что Пятая республика французов, по сравнению с предыдущими республиками, характеризовалась как раз полной утратой имперского характера, потерей почти всех колоний.

Для автора этих строк разительной и глубоко неслучайной рифмой явилось то, что мы, авторы Русской доктрины (2005 г.), и Проханов в своей публицистике тех же лет, не сговариваясь, практически одновременно обрисовали концепцию пяти этапов русской истории — и границы этих этапов у нас целиком и полностью совпали. Термин "Пятая империя" авторами Русской доктрины, естественно, не использовался, но концептуальный каркас — большие этапы, перемежаемые катастрофами и смутами, — был, в сущности, тот же самый. Также в Русской доктрине подразумевался и озвучивался имперский характер Государства Российского в эти пять больших периодов. Даже в самом спорном из этих пяти случаев — Киево-Новгородской Руси — мы также обозначали её как "торговую империю Рюриковичей".

В 2006–2007 годах миф Пятой империи был развёрнут Прохановым уже не в статьях, а в больших работах — это "Симфония "Пятой империи", где давалась квинтэссенция его имперского ми-

Виталий АВЕРЬЯНОВ

ВОСХОД ПЯТОЙ ИМПЕРИИ

Сакральная миссия Изборского клуба

ровозращения, программный роман "Пятая империя", в котором моделировалась попытка русского политического заговора в русофобском по сути государстве, а затем идейно-публицистическая книга "Технологии "Пятой империи", написанная в соавторстве с Сергеем Кутушевым. В Русскую доктрину в историсофском плане была заложена моя авторская концепция Смутных времён, в ядре своём созданная ещё в 1995 году. Нами двигала сверхрациональная вера (или интуитивное знание) в особый закон сжатия-разжатия русского пульсара, вдоха и выдоха России, "компенсационной экспансии", которая обязательно приходит после очередной смуты и оказывается не просто возвратом утраченного, но и новым завоеванием, новым наступлением цивилизации и в пространственном, и в геостратегическом плане, и в плане цивилизационной мощи (мощи знания, технологии, культуры, способности объединять вокруг Русского мира другие народы и общества).

Со свойственной ему художественной силой Проханов исповедовал эту веру в образе "потаянного кристалла "Пятой империи", урзваемого им в путинской России. В "Технологиях "Пятой империи" об этом писалось так: "Пятая Империя" ещё не имеет границ. Не имеет имперского центра. Не имеет своих опричников и гвардейцев. Но она повсюду — в каждом мгновении, в каждой молекуле русского воздуха. Так в мартовской мгле, в последних зимних поэмках начинается "весна света". Миллионы лучей вторгаются во льды и снега, плавают, жгут, озаряют. В мире начинаются шум, блеск, сверканье. В песках с замороженных елей осыпаются клыки снега. В полях реют бестелесные лучистые силы. И земля, ещё неживая и сонная, готова к преображению. Грезит Пасхой".

Так происходило отыгрывание истории в иную — родную — реальность, в исправленное будущее, история вызывалась из реальности чужой и чуждой, из украденного у нас настоящего.

Формирование в 2012 году Изборского клуба знаменовало для нас разрыв с навязанной стратегией прозябания — ведь это была не просто ещё одна площадка для дискуссий, это был осязаемый итог Поклонной как самоорганизации антимайданных сил. Клуб стал точкой приложения новых исторических тенденций, может быть, даже тайным центром событий, как бы громко и претенциозно это ни звучало...

Конечно, преображение не происходило в мгновение ока, по щелчку, процесс этот был по-своему болезненным и сложным. Но изборское сознание шло на несколько шагов впереди событий, подстёгивало их, пыталось спрямить петляющие траектории политиков.

Большой мобилизационный рывок, синтез красных и белых, "Всплывающая империя", сберегаемый замковый камень государства, Божественная справедливость, "Русский Ковчег", вероучение Мечты, идеология Победы, наши ответы на "гирлянд" новейших антиистемических революций, великого обнуления, трансгуманизма, контркультурного разложения — все эти концепты и труды стали значимыми плодами изборцев, вбрасываемыми в общественное сознание и довольно быстро находящими для себя огромное число единомышленников. Изборский клуб превратился в своеобразную фабрику мысли. Фабрика эта была не классическая, она вырабатывала не холодный рассудочный продукт, как какой-нибудь "Рэнд Корпорэйшн" или группа Клауса Шваба, а продукт солнечный, острый, по-русски одухотворённый, образно и символически заряженный.

Сам Проханов сравнил изборский феномен с возвращением "философского парохода", ушедшего из советской России в 1922 году и увезшего из него творческий цвет русской религиозно-философской мысли той эпохи.

СТРУКТУРА ИЗБОРСКОГО СОЗНАНИЯ

Высший уровень изборского мировоззрения — это учение о русских кодах. К ключевым кодам обычно мы относим коды Победы, Пасхи, священного труда, оборонного сознания, общего дела, России как души мира и идеал справедливости как должностования. Все они, а также и ещё целый ряд ключевых для русского исторического менталитета кодов, получили детальную, а иногда и филигранную разработку в трудах изборцев (см.: Русские коды. Изборский клуб. — М.: Наше Завтра, 2022).

В целом изборское сознание стоит на столпах цивилизационного подхода, за эти 10 лет завоевавшего признание в государстве (свидетельство чему — концепция традиционных ценностей и вводимая новая учебная дисциплина "Основы российской государственности"), однако внутри этой цивилизационного подхода формационный подход не отбрасывается, а включается в него как платформа модерна, прогрессизма, мироощущение, необходимое для построения индустриального уклада, высокой медицины, высокого образования, высокой науки, внедрения ориентиров на доступность для каждого гражданина высших достижений человечества.

Как уже говорилось выше, изборское сознание наполняет историсофию синтеза, примирения исторических начал, когда-то сталкивавшихся в противостоянии смут и гражданских войн. Из этого синтеза прорастает учение о новом периоде русской истории как переходе к Пятой империи (позднепутинский период, он же "донбасский период" русской истории). Изборское представление о русском типе империи строится в первую очередь на тезисе о симфонии культур, а не колонизации одними народами других.

Однако изборское сознание — это ещё и целая цепь авторских или коллективных учений: учение о технологических укладах, учение о новом мобилизационном рынке, включающем реиндустриализацию, учение о борьбе с глобальной транснациональной антиистемной сетью, которая угрожает другим цивилизациям, учение о конце капитализма, об анонимных цифровых и сетевых войнах, в которые он сталкивает мир накануне своей гибели. Далее это также и учение о Ковчеге как отказе от глобализации и деструктивной эрозии кодов конкретной цивилизации, учения о священной истории (её сакральной составляющей) и о механизмах управления историей, учения о предпосылках стратегического союза с Китаем, а также о предпосылках союза с Индией и Ираном (проект "Арками XXI век") — два этих главных для России союза в изборской оптике не противостоят друг другу, а должны дополнять друг друга, служа фундаментом евразийской гар-

бы в народном сознании с остатками репутации "невзоровых", "собачек" и иже с ними. Но ни фильм "Убийство городов", который сейчас был бы так нужен и актуален, ни мультфильм про ехидн и мудушек Русского мира так пока и не появился.

И вот — отрадный факт — недавно стало известно, что фильму по роману "Убийство городов" всё-таки быть, хотя снимает его и другой режиссёр. Время делает своё дело, Россия меняется. Тем не менее, эти примеры показывают, что хотя изборское сознание и нарачивает своё присутствие в национальной жизни, оно пробивает себе дорогу с трудом, его не встречают за распростёртыми объятиями. Спротивление, особенно скрытое, подспудное, в основном в высших звеньях чиновничьей элиты и в среде олигархата, пока ещё велико.

ЭСТАФЕТА "РУССКИХ МАЛЬЧИКОВ"

Изборский клуб по сути — это "русские мальчики" Достоевского, только, может быть, несколько повзрослевшие. Это всё те же герои консервативно-романтических радений и горячих споров с теми же вечными вопросами о Боге и человеке, социализме и Царствии Небесном, мире Божием, его счастье и несчастье, инквизиторе и слезинке ребёнка. Изборские "русские мальчики", несмотря на седину у многих, по сути всё такие же юные. Проханов в его 85 — поразительно юн, о чём можно судить по новым стихам, статьям, интервью. Так что приходит на память слова псалмопевца: "...обновится яко орля юность твоа" (Пс. 102:5).

Ангел Херсонеса хранит и ведёт нас, подсказывает слова. Проханов — недопильный полемист, известный всей стране по поездкам на центральном телевидении. В нём работает таинственный "радиоприёмник", принимающий на заветной волне эти слова и подсказки высшего суфлёра, которого в античности считали даром божества избранным людям. Вероятно, именно его Сократ называл даймонием, духом-покровителем, римляне — гением, христианские отцы — ангелом-хранителем. Платон считал, что это совесть, то есть связь с Богом, присущая человеку изначально.

Это радиочастоты русских кодов, частоты пяти империй, частоты "золотого времени" или той зона, который стоит выше исторического времени. Красота и смысл истории постигаются только из вечности, где история состоялась, стала, то есть превратилась в ставшее, в золотое и замкнутое совершенство. И только оно позволяет простить и принять весь ужас и кровь конкретной истории, конкретных эпох, смут и поражений.

Так давно вышло новое, дополненное издание энциклопедии "Русская философия", в которой собраны и с академической скрупулёзностью описаны жемчужины всей нашей отечественной интеллектуальной культуры за тысячу с лишним лет. И в новом издании появились статьи про Проханова и Изборский клуб. С энциклопедической ёмкостью в статье о Проханове её авторы отмечают: "Тобедя является не только историческим фактом, но и символом "извечной победы", пасхальности русской истории, обусловленной тем, что Россия восстаёт против тьмы на стороне света, потому что жаждет в земной жизни "божественной справедливости", а русский путь определяется не расчётом и рациональностью, а интуитивной "русской мечтой". К вариантам исторически проявившейся "русской мечты" Проханов относит русские сказки, мифологию Святой Руси, доктрину старца Филофея о Третьем Риме, концепцию России как "Нового Иерусалима", традицию "русской идеи" у крупнейших русских писателей и философов, идеалы русского космизма, мессианскую подоплёку красного сталинского проекта и др. явления" (Русская философия: Энциклопедия. 3-е изд., дораб. и доп. / Под общ. ред. М.А. Маслина. — М.: Наука, 2020. — С. 567.)

Изборское братство стало одним из главных героев в художественной мистории Проханова. В каком-то смысле он не просто основал клуб, но и "приду-мал" изборцев, ведь до этого мы были в значительной мере каждый сам по себе, собираясь относительно небольшими группами. Конечно, многие из нас так или иначе пересекались, сотрудничали, некоторые даже дружили между собой — но большим братством всё это стало именно в 2012 году и именно благодаря обаянию и авторитету Александра Андреевича. Дальнейшая задача изборского сознания — изваять конкретные формы Пятой империи, не позволить забыть важные смыслы нашего прошлого, не упустить главные из наших кодов, сделать так, чтобы Пятая империя не рухнула в новую смуту, смогла одолеть векового супостата. А потомкам мы обязаны передать эстафету — учредив не просто клуб для общения и обмена энергиями, но орден мечтаношцев, передающих наследникам свою мечту как заветный меч.

* Соцсеть запрещённой в РФ экстремистской организации Meta Platforms Inc.

На фото: встреча членов Изборского клуба с экипажем стратегического ракетоносца Ту-95 «Изборск», август 2014 года

СВЕРХЗАДАЧА

Почему математика не заменит идеологию

ВНОВЬ, КАК НА ИЗЛЁТЕ "эпохи застоя", в России расширяется применение математических методов моделирования для управления общественными процессами. И, соответственно, вновь возрастает и становится критически важным понимание объективной ограниченности применения этих методов, игнорирование которой неизбежно ведёт к абстрагированию от существенного и к срыву в не столько лютую смешную, сколько крайне разрушительную схоластику.

Ключевой принцип прост: математические модели по своей природе полностью формализуемы, а общество — нет. Ни в один момент времени ни одна часть общества, включая управляющую систему, не может обладать о нём полным знанием, — хотя бы потому, что часть, даже управляющая, всегда менее сложна, чем включающая её целое.

Данная закономерность в полной мере проявилась при крахе исторического материализма, всерьёз взявшегося за изучение того, каким образом, при каких условиях и до какой степени общество может самостоятельно изменять закономерности своего собственного развития.

Появление истмата было вполне закономерным, так как, последовательно и с нарастающим успехом применяя диалектику к лишённой разума природе, марксизм вполне естественным образом не мог не применить его в конечном итоге и к разумной части природы, включая его вершину — человеческое общество.

Часть попыталась познать целое в его полноте, причём познать сразу, в целях непосредственного практического действия, и была естественным образом смыта подлинным цунами обратных связей (выражаясь языком теории управления), так как даже простая попытка познания управляющих систем вызывает у последних немедленную и крайне бурную реакцию (вплоть до убийства по подозрению в шпионаже).

В результате исторический материализм в целом выродился в схоластику, перемежаемую редкими примерами гениального применения его основных закономерностей, так и оставшимися по указанным объективным причинам на уровне уникальных образцов искусства, а не массовых стандартов науки.

Стоит сразу отметить, что Сталин с его "без теории нам смерть, смерти!" не является частным случаем этой закономерности, так как теоретическое осмысление уже построенного в Советском Союзе общества в принципе было возможно и не удалось по совершенно иной причине, хотя и также объективной: из-за перенапряжения этого общества в борьбе за выживание.

Это перенапряжение, во-первых, направило на текущие задачи борьбы за самосохранение все силы, не дав отвлечь их на стратегические задачи осмысления собственного существования (феноменом Ленина, создавшего в 1918 году сотню НИИ, из которых выросла затем советская наука, не служит упреком, ибо эти НИИ были сугубо практическими, прикладными), а во-вторых, не позволило управляющей системе стать достаточно терпимой для возникновения возможностей к анализу её достижений и провалов "со стороны".

ИЗЛОЖЕННАЯ АКСИОМА о постоянной неполноте познания обществом себя самого несколько не противоречит даже позитивистской доктрине познаваемости мира: он, конечно, познаваем, — но лишь в принципе. На деле он бесконечен в своей сложности и, соответственно, бесконечен процесс его познания. И при принципиальной его познаваемости в каждый момент времени есть вещи, которые мы уже знаем, и есть вещи, которые мы познать не можем ни сейчас, ни в сколь-нибудь приемлемом для нас будущем.

Кстати, то, что эти не познаваемые для нас в обзорном будущем вещи и явления во многом воздействуют на нас, являются (строго по Фейербаху) постоянным фактором, порождающим религиозно-мистическое мышление и превращающим атеизм всего лишь в одну из великих мировых религий.

На практике знания об обществе не могут быть своевременными и полными одновременно. Полной информацией (в исключительных благоприятных случаях) о той или иной ситуации могут владеть лишь историки — после того, как все значимые решения приняты, реализованы и принесли свои последствия.

В процессе управления управляющая система (если она разумна) понимает две фундаментальные вещи: что принятое решение в случае его ошибочности уже нельзя будет исправить (в лучшем случае может быть частично компенсировать потери) и что информация, на основе которой его предстоит принимать в разумные сроки, будет заведомо неполной.

Именно этот inferнальный ужас повсееднего управления, не отменяемый, а лишь несколько сглаживаемый самими изобретёнными общественными институтами, является причиной особого отношения самых разных обществ к своим лидерам: от жрецов и вождей до президентов и премьеров. Именно понимание (или чаще ощущение) невозможного логически корректного управления создаёт объективную потребность в идеологии, ставящей дальние цели общества и определяющей ценностные форматы действий по их достижению. Вслед за Станиславским идеология формулирует и навязывает народу вряд ли достижимую сверхзадачу, создаёт "сильное поле смыслов" и этим компенсирует объективно недостающие знания.

Математика по своей природе не способна заменить идеологию. Её миссия строго противоположна и сугубо инструментальна, вспомогательна: за счёт расширения возможностей логики сократить сферу неизвестного, единственного компасом в которой является идеология.

ПОДМЕНА ЦЕЛИ СРЕДСТВОМ, попытка использовать вместо идеологии математику обречена на бесплодие, а в перспективе — на крах и распад занимающей этим системы.

Мы это проходили во времена позднего Союза и вполне можем из-за одного лишь засилья механистических (а то и религиозно-мистических) подходов к общественным процессам (не говоря о более дичинных причинах вроде интересов господствующего класса офшорной аристократии и её "олигофрендов") заново пройти и сейчас.

Кстати, вывод из этой закономерности применительно к американской политической жизни можно в честь его наиболее известных выразителей назвать "следствием Линкольна-Рузвельта": "Можно обманывать некоторую часть общества всегда, можно обманывать всех некоторое время, но обманывать всех и всегда — невозможно".

Михаил ДЕЛЯГИН